

Патология городской ночи

Ник Данн

Перевод с английского Полины Хановой¹ по изданию Dunn N. (2016) *Dark matters: A manifesto for the nocturnal city*. John Hunt Publishing. Полный перевод будет опубликован в издательстве Hyle press в 2022 году.

Ощущения, охватывающие столь многих из нас при мысли о ночи, рождены расхожими предрассудками, происхождение которых показывает, как мало мы до сих пор знаем о ночном времени и как мало понимаем его. Укорененное в средневековых практиках, предубеждениях и страхах проклятье современного города и его окрестностей больше похоже на интериоризированное неудачное столкновение с бандой в классических спортивных костюмах, чем на вторгающиеся мрачные образы воображаемых приведений и агрессивных полуросликов. Такова суть охватывающего нас беспокойства, наших глубочайших и (буквально) самых темных мыслей. Что там снаружи? Звуки, от которых так легко отмахнуться в дневное время, внезапно приобретают совершенно новые обертоны. Все, что было легко, понятно и рационализируемо, становится спутанным и дезориентирующим, когда сумеречная ткань ночи переносит нас в пространстве и времени в куда более тревожное состояние.

Выход в ночь может требовать объяснений – перед лицом других и (что, возможно, даже сложнее) перед самим собой. Он расширяет обоснование времени, с которым мы так хорошо знакомы по дневному времени. Возможно, наиболее прибыльным ходом позднего капитализма было рождение рынка досуга. Нарезка и упаковка «свободно» времени на потребительские пакеты, желание тратить больше времени и денег – все это способ оставаться привязанным к конструкту, диктующему работу в дневное время. Он столь неотразим и столь вездесущ, что иногда бывает трудно даже обнаружить время для отдыха, настолько наше сознание пропитано бесконечными сигналами коммодификации. Этот образ поведения столь повсеместно принят в XXI веке, что его оказывается крайне трудно отключить, отключиться и забыться. Какие это повлечет психологические последствия в долгосрочной перспективе, нам еще только предстоит увидеть, но данные уже накапливаются. Наше внимание разрывается в поисках бесконечного и бездумного *plaisir*, наслаждения. Нам нужно вырваться из пузыря наслаждений и выбраться наружу. Отбрасывая одну волну информации за другой, мы проплываем по сети, редко задаваясь вопросом, хотели ли бы мы в принципе быть в этом цифровом потоке.

1. Полина Ханова, к.ф.н., ассистент, кафедра онтологии и теории познания, философский факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ). Адрес: 119991, Москва, Ломоносовский пр-т, 27, корп. 4. E-mail: linakhanova@gmail.com.

Ник Данн, профессор, Институт современного искусства, Университет Ланкастера; United Kingdom, Lancaster, LA1 4YW, тел.: +44(0)1524 510817
E-mail: nick.dunn@lancaster.ac.uk

Автор исследует ночной город как место и время, куда можно вырваться из границ дневного пространства. Это иное состояние бытия. Существует долгая история ночных прогулок, которые зачастую являются неотъемлемой частью теневого мира злоумышленников, работников ночных смен и правонарушителей. Противопоставление ночи дню связывает ее с темнотой и страхом. Но есть и другая ночь, предлагающая много интересного и помимо порока. Сегодня же освобождение и возбуждение становятся все более редкими явлениями в ночном городском ландшафте, когда существенная часть мыслей и поступков горожан находится под контролем. Вместо того чтобы считать темноту негативным явлением, противоположным освещению и просвещению, Ник Данн исследует сопряженные с темнотой возможности развития наших чувств.

Ключевые слова: ночной город; Манчестер; городские прогулки; архитектурная чувствительность; безопасность

Цитирование: Данн Н. (2021) Патология городской ночи // *Городские исследования и практики*. Т. 6. № 4. С. 56–64. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp64202156-64>

Молодые поколения уже вплетены в матрицу до такой степени, что она для них невидима и становится их реальностью. Они застряли в том, что Марк Фишер [Фишер, 2010] назвал «рефлексивной импотенцией», когда знание о том, насколько все плохо, лишает способности реагировать и в итоге становится самосбывающимся пророчеством. Пустая шутка глобального масштаба, которая станет отчаянно несмешной, когда истерия сойдет на нет и мы заглянем в консолидированные переполненные пространства позднего капитализма. Возможно, один из путей выхода можно найти в местах заброшенных и опустошенных.

Городские пространства патологичны. Ночной лозоходец без труда вызывает эти неврозы; таково влияние ночи и городских теней на наше подсознание. Там живут наши страхи. Конечно, современные описания вовсе не помогают разубедить нас в том, что ночные города полны людей, пребывающих в безнадежной тоске, злодеев и безумцев. Новостные сводки и заголовки концентрируют и искажают «ночь», усиливая ее иномирность. Сумеречная ткань городов показана в фильмах вроде «Обнаженной» Майкла Ли (1993), «Грязных прелестей» Стивена Фрирса (2002) или в «Красной дороге» Андреа Арнольд (2006) с изображенным в нем фрагментированным интерфейсом между зоной, просматриваемой системами видеонаблюдения, и нишами неуместности. Склеротичный набор условий, представленных в каждом из этих трех фильмов, изображает неприукрашенный портрет мира, мрачные городские ландшафты обездоленности, эксплуатации и насилия.

Пространственные пустоты и латентные сети вдали от основных маршрутов циркуляции позволяют главным героям этих фильмов занимать ниши внутри города, но только как фрагментарные и временные места обитания, поскольку пренебрежение комфортом всегда тайно подталкивает их двигаться дальше. Общая для этих трех работ тема – подчинение персонажей их непосредственному окружению, которое усиливает непосредственную корреляцию между материальностью города и ними самими; эффекты эрозии и небрежения, наблюдаемые как в материальной среде, так и в психике. Проиллюстрированный так социальный и физический износ усиливает порой дезориентирующий эффект призракологии городских пространств. Укрепление, казалось бы, и без того конденсированного опыта повсе-

дневности фикциональными нарративами – кинематографическими, музыкальными или литературными – не может не подпитывать наше воображение. Потрепанные и затененные опухоли-карманы города живо предстают перед воображаемым взглядом, когда мы вспоминаем эти развертывающиеся перед нами драматические истории – фантом, наложенный на реальное пространство.

Нам не нужно непосредственно наблюдать такие события, чтобы они находили у нас глубокий отклик. Призраки города звучат индустриальным рокотом и металлических ударами на треках прекрасного последнего альбома LoneLady *Hinterland* (2015). Вдохновляясь в творчестве Манчестером, своим родным городом, она создает постиндустриальный интеллектуальный ландшафт, где различные идеи подвергаются разрушению и разложению на элементы, приходят в упадок и предаются забвению. Однако изнутри этих процессов также производится ревитализация и реконструкция. Именно ощущение заброшенности и бесхозности позволяет исследовать ментальные руины и заставляет возвращаться к ним снова и снова. Но мы слышим звуки восстановления изнутри уже разрушенного и композицию внутри фрагментов. Это лучший аккомпанемент разбитой мечты о городе XXI века. Моторный ритм как эхо разносится вокруг, а ее голос очерчивает картографию ниш и пустошей ландшафта. Мотив поиска убежища и самого себя путем исследования лиминальных зон постиндустриального города пронизывает всю ткань звуков и текстур ее нежных песен. Это любовное письмо исчезающему ландшафту.

Похожим образом главный герой романа Джеффа Николсона «Кровотокающий Лондон» отчаянно пытается слиться с улицами города, расхаживая по ним, чтобы пробиться к более глубокому уровню психики. Нервная и методичная практика героя – пройтись по каждой улице города, параллельно удаляя соответствующие им записи в путеводителе по лондонским улицам, – основана на интуиции, которая одновременно ненормальна и систематична с точки зрения его отношения к городскому ландшафту и его представлений о нем. Действительно, прогуливаясь по городским улицам, он чувствует мощный резонанс по ту сторону ностальгии: «возможно, что-то стоит за историей, за событиями и людьми; мифические формы, архетипы, старые, очень старые рассказы, которые старше этого города, которые раскрывают

его собственный смысл» [Nicholson, 1997, p. 194]. В этой ситуации город и гуляющий по нему едины – сознание, последовательно стирающее абстрактные знания через непосредственный опыт.

Все эти художественные высказывания по определению являются аффективными и провокационными. События из мира реального и документальные истории могут в равной степени влиять на память и вызывать дежавю, которые затем вместе накладывают отпечаток на последующее восприятие пространства. В течение нескольких лет с середины 1990-х годов я работал внештатным криминалистом. Забудьте о гляцевых расследованиях мест преступлений из телевизионных драм и боевиков. Задания, которые я получал, в основном имели отношение к местам городской травмы, но не только, порой меня окружали весьма неприметные интерьеры и домашняя обстановка. Эта работа завела меня в одни из самых неблагополучных и мрачных районов Большого Манчестера. Преступления, немислимые для нормальных людей, порой спланированные, но чаще – нет. Это были пространства, переполненные самым разным насилием. Несомненно, будучи свидетелем последствий отвратительных преступлений, я начал смотреть на город совершенно иначе. Все это происходило не в каких-то далеких опасных краях, а совсем рядом с тем местом, где я тогда жил. Учитывая, как это все плотно транслируется СМИ, неудивительно, что мы превращаемся в «город-крепость» Майка Дэвиса, столь ярко описанный им в «Городе из кварца» [Davis, 1990]. Обозначенное, разграниченное и специализированное против отталкивающего, отвратительного и регрессивного: город, находящийся в конфликте с собственным населением. Границы и поверхности изуродованы материальными продуктами мер безопасности – металлическими зубами, предназначенными для того, чтобы отогнать ту самую плоть, что более всего нуждается в передышке и восстановлении. Тем временем число истощенных и обездоленных растет, волонтеры и благотворительные организации отчаянно пытаются предоставить им необходимую помощь: все возрастающий, но приглушенный ущерб от выкупа государством банковских долгов, который виден, но не слышен.

В «Лондонских приключениях, или Искусстве прогулок» Артур Мэкен утверждает:

А как насчет истории человека, который «сбился с пути»; который так запу-

тался в каком-то лабиринте воображения и размышлений, что обычные, материальные пути мира потеряли для него всякое значение? [Machen, 1924, p. 141]

Хотя спутанный характер этого текста отражает собственные рассеянные городские прогулки Мэкана, в наше время трудно представить себе настолько двусмысленное отношение к городскому контексту, особенно ночью. Действительно, одна из составляющих тревожности, очарования и интриги (а они редко бывают по отдельности) ночного города – незнание того, что ждет тебя впереди, за углом или в темноте. Так что, невзирая на искушение счесть, что всепожирающие мысли поднимают ночного странника над землей, ожидание и осознание урбанистических патологий непрерывно обеспечивают некоторую степень привязки к контексту, хоть и очень слабую. Даже в XXI веке негативные ассоциации, связанные с темнотой, продолжают пронизывать западную идеологию. Сама тьма тем временем уничтожается. Ее буквально выдавливают из современного города в ходе «ноктурнализации», тьма «трансформируется из изначальной сущности в более управляемый аспект жизни» [Kolsosky, 2011, p. 278].

Этот сдвиг не является исключительной прерогативой организационных стратегий и оперативных тактик по обнулению ночного города. Он также существовал в художественных высказываниях. Эта горячка достигла, пожалуй, своего пика в манифесте итальянского футуризма Маринетти (1909) [Маринетти, 2020], в котором заявлялось, что мы должны «убить лунный свет» в порыве стремления к динамичному будущему технического прогресса. Эта идея не покидала нас, объясняет Уильямс:

Из-за своих трансгрессивных ассоциаций и из-за того, как общественно опасно ее используют, темнота угрожает детерриторализировать рационализированный общественный порядок... когда она скрывает, затормаживает или как-то еще затрудняет развертывание стратегий, техник и технологий [Williams, 2008, p. 518].

Как мы уже узнали, в ранние периоды истории считалось, что когда сгущается тьма, то воздух в ней насыщен злом и готов утопить что угодно и кого угодно в своем потоке. Разумеется, многогранность событий,

случающихся с человечеством в отсутствие дневного света, – скорее симптом, нежели необходимое и непосредственное следствие наступления ночи. Низкая видимость, снижение температуры, тьма, служащая укрытием злодеям, и т. п. – идеальная среда для всякого рода негодяев. В «Культуре городов» Льюис Мамфорд метко описал беспокойное и незавидное существование в городском ландшафте:

Так они и живут год за годом жизнью, словно бы прошедшей через вторые руки, вдали от окружающей природы и не менее удаленные от природы внутренней, сначала любовники, а затем родители, зятянутые в рутину мегаполиса, уязвленные постоянной неуверенностью и напуганные призраком смерти, который завис над его гордыми башнями и затененными улицами, так живут массы населения, оставаясь в состоянии, близком к патологическому. Они становятся жертвами фантазмов, страхов и маний, которые вызывают у них архаичные паттерны поведения [Mumford, 1938, p. 258].

Даже если жители города более не нуждаются в спасении от самих себя, все же легко понять то весьма немалое число интервенций, которые защищают нас от города. Одержимость «менеджментом» городского пространства по определению сужает чувственный мир, ограничивает телесный опыт неприятных запахов, грубых текстур и дисгармоничных звуков, от которых нас закрывают пространственные «карманы». Поскольку значительная часть нашего взаимодействия друг с другом в дневное время полагается на визуальную составляющую, оптическое (так работают наши глаза) и практическое (обычно вокруг не так много людей) отсутствие таковой в ночи заставляет нас находить новые способы коммуникации и исследования окружающей среды. Многие аспекты города, которые кажутся предопределенными днем, ночью открыты для интерпретации – мы становимся своими собственными картографами, создаем поддельные карты из сложных и смазанных чувственных ощущений, разбалансированных в отсутствие дневных привычек. Ричард Сеннет даже утверждает, что городское пространство становится по преимуществу «функцией движения», внушающей «тактильную стерильность», которая, в свою очередь, ведет к умиротворению тела [Сеннет, 2016, с. 16]. Он признает, что императив миними-

зации сбоев и отвлекающих факторов для пешеходов и водителей – чтобы они не отвлекались от шоппинга, работы или игр *предписанными* способами – означает, что образцом движения становится стремительное перемещение без возбуждения. Вдобавок привлекательные качества, притягивавшие наше внимание к городской ночи в прошлом, стремительно становятся редкостями, заключенными в клетки и коммодифицированными в коммерческих ситуациях. Но все же остается множество возможностей исследовать «пространство» внутри городов, никак не являющееся пустотой, нейтральным контейнером или пассивным фоном для происходящего. Напротив, это самостоятельное живое существо. Сэнфорд Куинтер описывает пространство как «участника, неустойчивый и непредсказуемый процесс, который одновременно пожинает и производит реальность на ходу» [Kwinter, 2010, p. 74]. Понятые таким образом, структуры дневного времени быстро ломаются ночью – особенно потому, что наше визуальное восприятие притупляется и мы больше полагаемся на слух, обоняние и осязание, а возможно, и на вкус. Более того, воздействие материальности на чувственный опыт пешехода усиливается и обостряется, когда место оставляет свой отпечаток на теле пешехода, и наоборот. Присутствие и непосредственное переживание в пространственной практике хождения пешком необходимо для открытия другого ощущения урбанизированной среды города, которое противоречит искусственной гладкости. Рассмотренное таким образом, хождение пешком ночью может быть понято как инскриптивная практика, обогащенная потенциальными возможностями, описанными Бергсоном:

Этой реальностью является подвижность. Нет готовых вещей, существуют только вещи создающиеся; нет сохраняющихся состояний, существуют только состояния изменяющиеся. Покой всегда бывает кажущимся или, вернее, относительным. Сознание, имеющееся у нас о нашей собственной личности, в ее непрерывном истечении, вводит нас внутрь реальности, по образцу которой мы должны представлять себе другие [Бергсон, 1999, с. 1207].

Узкие тропы, которые мы осторожно протаптываем через ночные ландшафты городов, если они не замкнуты переключкой пространств гиперпотребления, отражают

нашу неуверенность и будоражат наши первобытные чувства. Неуверенность в себе и, конечно, наше ненадежное отношение с царством обоняния усиливают наши неврозы, и воображение накладывается само на себя в потенциальном водвороте странного и удивительного, но, что самое важное, *неведомого*. Привычный интерьер городской улицы за порогом дома в ночное время тут же теряет свою навязчивую силу, как только луч света из дверного проема хирургически рассекает окутанный тьмой мир. Абстрактные скульптуры из света и тени удерживают в своей хватке мусорные баки, дверные проемы и оконные рамы. Нечто воровато скребется в окружающем мраке, хотя он давно стал подиумом для прогулок лисы, успешно акклиматизировавшейся в урбанистическом ландшафте. Над головой моргают красные глаза самолета, описывающего петлю в сферической дали глобального воздушного пространства.

Но в поднебесном пространстве полный беспорядок: страх, опустошение, тревожность и крах модернистской мечты. Вот он, город XXI века, во всем своем дивном блеске, наглядное свидетельство капиталистического накопления. Роль города, некогда мощной экономической и политической машины, за тысячелетия коммерции и не столь долгий период консьюмеризма изменилась. Более того, уплощение фасадов зданий благодаря новым технологиям конца XIX и начала XX века стало гарантией того, что мембрана между внутренним и внешним, дразняще истончившаяся в последнее время, остается весьма реальной: все меньше и меньше дверных проемов, щелей, закоулков и ниш, в которых можно было бы укрыться. Изолирующий урбанизм в его ярчайших проявлениях. Превращение города из сцены спектакля в лишенный содержания фон особенно заметно ночью. Или так кажется. Однако именно в этих неухоженных, не замечаемых городских притоках, где ничего, казалось бы, не происходит — то есть не потребляется, — и творится реальная *магия*. Ночной город — проворный и ловкий шулер, ведь эти места перетасовываются и раскладываются в разных комбинациях в зависимости от погоды, времени года и регенерации. И, разумеется, не в последнюю очередь — мы. Города могут предложить торжество и резонанс малых жизненных циклов, свободу движения, радость ночного и личного. Почему? Подлинные возлияния в честь ночи происхо-

дят не в темных переулках и подвальных гнездах порока и не в тех ярких, величественных храмах гедонизма, оживляющих собой перекрестки и широкие проспекты. Нет, это зелье для всех органов чувств, и пить его следует медленно и осторожно. Расплавленным воском ночной воздух проникает в тело, в его поры и вены, так что граница между человеком и средой размывается с каждым теплым выдохом и прохладным вдохом. Это похоже на плавание под водой и так же требует привыкания, но со временем приходит навык. Первый нырок в неизвестность, ощущение погружения, легкая паника, которую я чувствовал ребенком, когда вода залилась мне в нос, в уши, замутнила зрение, снова воскресает во мне в смягченном виде, когда я впервые ступаю в ночь. Оно снова всплывает каждый раз, когда я оказываюсь в незнакомом месте, и порой посещает меня даже в знакомых местах. Обостренность чувств в сочетании с замедлением движения, когда простор ночного города разворачивается во всех направлениях. На холодном воздухе немеют уши, он покалывает ноздри, глаза слезятся от этого нежного удара в лицо. Тем временем первая зажатость членов и суставов постепенно отступает — по мере того, как тело осваивается в окружающей среде. Нюктофобия (*nyctophobia*), накрывающая подсознание ночью, опережает воображение. Преодолеть это ограничение — значит принять возможное, прекрасное и гротескное. Ведь это второй город: он там, со своим особым ландшафтом, населением и передвижениями. В этом альтернативном мире теней и ночных обещаний чувствуется бурление и смешение времен.

Призракология, опыт, объединяющий прошлое, настоящее и призрачное будущее, которого никогда не было, переживается непосредственно через прогулку по ночному городу. Иэн Синклер — возможно, самый известный адепт этого времяпрепровождения, проникновения сквозь городскую мембрану, открытия ее пор для поиска и исследования. Ночью такая призракология, по-видимому, куда более привлекательна. Возможно, опьянение страхом неизвестного, естественно усиливающимся в ночные часы, обостряет чувствительность и множит призраков, которых дневной свет удерживает в их урбанистических саркофагах. И они вырываются из теней. Фантазмагория планировщиков, архитекторов, городских лидеров, финансистов и гражданского об-

щества прошлого встает вокруг нас. По фасадам идет рябь, когда не-абсолютная-тьма преобразует как строгие и лаконичные, так и деформированные и причудливые сооружения. С каждым шагом они сливаются и колеблются, город движется вокруг ночного пешехода – его возвышенная текучесть тяжела и густа. Когда поверхности города покрываются инеем, приглушенный, припудренный ландшафт смягчает каждую точку зрения. После дождя они сверкают, заключая ночного пешехода в гигантскую гробницу из черного оникса. Конечно же, когда идет дождь, движение направляется вихрями, потоками, канавами и брызгами сбрасываемых личин города. Поиски укрытия вынуждают жаться к краям, и там ночной путник занимает нишевой ландшафт, буквально убежища в промежутках, где он может переждать дождь, в зависимости от его силы и расстояния. Задумываясь о том, *когда* эти места есть, приливы и отливы дневных паттернов меняют не только то, как и почему мы получаем доступ к ночному времени, но и длительность вылазок. Долгие, холодные, а порой и мокрые ночные прогулки – не для всех. Они и не должны быть для всех. Эту удивительную атмосферу можно исследовать в разных временных промежутках, на разных дистанциях и на разных порогах между закатом и рассветом. Каждый эпизод примечателен своей уникальностью, но кумулятивно опыт выстраивается в совсем другой композит. Привычное теряется даже в местах и следах, наиболее близких к повседневной рутине. Ведь габитус здесь нарушается. Нежные пальцы вторгаются в городскую ткань, вытягивая тело в ночь. Навострив нос и прижав уши, экосистема приветствует другую тварь в лице ночного пешехода, блуждающую городскую тень, бредущую сквозь ландшафт. Геометрия города сместилась. Вспыхивают лампы вездесущих, гиперчувствительных и плохо настроенных систем охранного освещения, реагирующие на какое-то ночное движение, мутный свет уличных фонарей подсвечивает небо, далекие красные точки высоток и строительных кранов бессильно тычутся в ночь. Относительное отсутствие транспорта, особенно автомобилей, вызывает ассоциацию с последним воплем рухнувшей аутоэротической утопии XX века, к которой мы неслись на всех парах. Вместо нее – штабели из машин с обложки «Автогеддона» Хиткота Уильямса [Williams, 1991], разбросанных и так застывших – буквально припаркованных *навсегда*.

Компостирование городов и необходимость дать вещам возможность ломаться, разрушаться и перерабатываться не укладываются в невообразимую логику позднего капитализма. Вместо этого пустыри, которые могли бы стать временным пространством для творческого общественного использования, просто огораживаются, хирургически удаляются из городского бытия строительными заборами, технологиями видеонаблюдения и предупреждениями о круглосуточной охране. В результате наиболее распространенным способом повторного использования и временной эксплуатации городских пространств оказывается парковка под открытым небом. Эта банальная, на скорую руку интервенция – обычно обходящаяся лишь парковочным автоматом, какими-то драконовскими угрозами на вывеске и иногда забором – еще больше усиливает отчуждение от города. Она подкрепляет убеждение, что все должно потребляться, а пространство имеет цену. Но какова его реальная стоимость? Одна из сложнейших проблем попыток борьбы с такого рода девелопментом – определить ценности, не сводящиеся к непосредственной экономической выгоде. Здоровье, благополучие, культура, природа, социальные отношения – все это нам *необходимо*. Но их так часто упускают из виду. Попытки приписать денежную стоимость этим аспектам жизни так и не нашли настоящей поддержки, но вездесущие рыночные механизмы всегда только ускоряются в ответ на любые выступления против них.

Если такие пространства юридически являются запретными, их присвоение и нелегальные попытки наложить на них лапу остаются частью скорее непрерывной трагикомедии, чем воспетого Джейн Джекобс уличного балета [Джекобс, 2011]. Что же до официально выделенных городом участков, то в дневное время пешеход жестко ограничен тротуаром, повязан двойной спиралью ограничений и привилегий, движение загнано в рамки, сглажено и стандартизировано. Но ночью границы городского ландшафта стираются. Заранее выделенные линии превращаются в пунктиры, обнаруживается возможность смазать их жирные и косые штрихи. Хожение в ночи перемещает внешние и внутренние границы, переопределяет и перенаправляет их. Таков новый слой сценария, стремительно стираемый солнцем.

Стрейнджуэйз, мы идем к тебе². Но сперва собор. Готическая вертикаль, переделанная из заурядной приходской церкви, высечена из камня, добытого недалеко в Коллихерсте³. Рядом, прямо под моими ногами, арки Виктории⁴ – настоящая награда для городского исследователя: теперь туда не так-то просто попасть из-за реки, канализации и последовательного затыкания всех (отсутствующих) точек входа. Чуете? Так снова искажается поле гравитации, когда идешь поперек центростремительной силы внутренней кольцевой дороги. Спиной к M. E. N., или «кактамтеперьонназывается» стадиону⁵, в этой точке город широко раскрывает свою пасть. Перед нами то, что осталось от пивоварни Boddington's, похоже на пустой след башмака в земле. Ее последние дни продезинфицировали рейвы, скакавшие вокруг индустриального тотемного столба, но теперь даже ее знаменитая дымовая труба снесена. Долго идешь вдоль Грейт-Дуси-стрит, и вот – эпических размеров кирпичная звезда⁶. Королевская Манчестерская тюрьма для меня всегда останется тюрьмой Стрейнджуэйз, как для других Манчестерский аэропорт навсегда останется Рингвеем. Ребрендинг и смена вывески не в состоянии полностью стереть палимпсест памяти, и призрачные буквы все еще цепляются за свой бывший насест, шрифт, отпечатанный в копоти. Улицы по обе стороны тюрьмы – призраки эскалаторов, ноги не в состоянии сопротивляться вертикальной тяге массивного строения. Одинокая фигура на фоне гигантской кирпичной стены, многочисленные глаза камер видеонаблюдения равнодушно встречают мой взгляд, но не могут выразить ничего в ответ. Моя тень растет и опадает

на кирпичном холсте в рифму с уличными фонарями.

Все выше и выше, и вот плато фабричных зданий, непонятные мастерские и склады, перемежающиеся пустырями, ресторанами и питейными заведениями, пока, наконец, мой путь не пересекает накупив Читэм-Хилл-роуд. Эта часть города – постоянная территория Не-Плана⁷ с его бесконечными трансформациями: пересмотром и редактурой зонирования. Склон под ногами постепенно поднимается к карусели ангаров торгового центра «Манчестер-Форт». Бесколесые и охомуточные, они лежат и ждут момента, чтобы поглотить жителей пригородов, готовых схлестнуться за уцененные товары с бравыми охотниками на скидки. Типичные как фоторобот, обнищавшие, серийные и пережеванные, эти пространства продолжают свой марш по территории Британии: паршивая инсайдерская шутка, спрятанная в архитектурных сносках великой книги коммерческого развития. Но спасение близко. Я ныряю в пригороды фугой Читэм-Хилла, его архитектурные мелодии меняются одна за другой по мере того, как мои шаги отбивают такт в сторону Верхнего Броутона. Но музыкальные фразы и композиции из жилых домов впитаны в привычную чехарду новоселов. Это весьма насыщенный и разнообразный фрагмент города. Из подъездов доносятся незнакомые запахи и речь, такой шведский стол для ощущений. Топография района сложная и драматичная, спускающиеся в сторону реки Эруэлл улицы украшены яркими перьями городской жизни, наполненной пьяными амбициями и (при)скорбными мечтами.

2. «Strangeways, here we come» – название последнего студийного альбома британской группы The Smiths (1987), отсылающее к манчестерской тюрьме Strangeways Prison и фразе «Borstal, here we come» («борстал, мы к тебе идем») из романа Кейта Уотерхауса «Билли-враль» (1959) (борстал в Британии – это аналог колонии для несовершеннолетних). – Прим. пер.

3. Коллихерст – район Манчестера, где раньше находились каменоломни для добычи красного песчаника, из которого построены многие манчестерские здания, в том числе кафедральный собор. – Прим. пер.

4. Арки королевы Виктории, также известные как «Ступени собора» – система подземных пространств, образовавшихся после того, как в 1830-х годах набережную реки Эруэлл подняли на 17 кирпичных арок. Открытые в сторону реки арки служили в качестве промышленных помещений и пристаней, во время Второй мировой войны были переоборудованы в подземные бомбоубежища, в наше время замурованы и недоступны. – Прим. пер.

5. Манчестер-Арена (Manchester Arena) – крытый стадион, в 1998–2011 годы назывался Manchester Evening News Arena (M. E. N.). – Прим. пер.

6. Центральное здание Королевской Манчестерской тюрьмы (до 1990 года – тюрьма Стрейнджуэйз, по названию близлежащего района города) состоит из центральной башни и шести крыльев, расходящихся от нее в форме звезды.

7. Non-Plan – концепция городского развития, разработанная в 1960-х годах Питером Холлом, Полом Баркером, Седриком Прайсом и Рейнером Бэнемом, суть которой вкратце – «узнавать, а не навязывать», то есть позволить жителям самим определять назначение и направление развития городских пространств, отказавшись от традиционной модели городского планирования «сверху» [Banham et al., 1969]. – Прим. пер.

Сегодня – никаких водных маршрутов. Вхожу обратно в янтарный свет фонарей, впереди – продолжение городского спектакля. Узнаваемые ритмы жилой застройки в этих краях позволяют сознанию свободно блуждать, беспрепятственно перескакивая между идеями. Полчаса медленного шага, параллельно очерчиваю новые направления и маршруты для прежде непродуманных идей и проектов. Этим мыслям нужно больше пространства. Что может быть лучше, чем шестьсот акров муниципального парка? Главные зеленые легкие города. Тропинки Хитон-Парка обычно запирают и перекрывают, но сегодня одна из них почему-то оказалась открытой. Проходит пара минут, и мерный прибой окружающего ландшафта подавляет меня. Все, о чем только можно мечтать на загородной прогулке, – все здесь есть: от мини-гольфа до беговых дорожек; озеро с лодочками и тихие лужайки. Вверх, к Храму⁸, высшей точке города и невероятной панораме, открывающейся оттуда. Город раскрывается перед моим взглядом: мерцающий, весь светящийся и манящий. Идеи бродят в голове, я шарю в памяти в поисках новых связей. Ноги заплетаются в замысловатом узоре тропинок, и вместе с ними мы спускаемся к краю парка. У земли здесь есть аура, она словно дышит воспоминаниями, пока по ней идешь. Среди деревьев тарелками и антеннами на крепком бетонном стволе распускается телебашня. Пересекаю периметр – и открытое пространство остается позади, в поле зрения вдвигаются переулки и жилые дома, сначала с одной стороны, а потом и по обеим. Типичный северный Прествич. Взгляд вполоборота на окружающую дорогу; дальше на запад – печаль человеческой трагедии Долины Смерти⁹. Ты можешь обернуться на город, где мечущиеся шумные машины оставляют красные или белые мазки, где сгрудившиеся из чаши ландшафта выглядывают одинокие башни и подмигивают тебе в ответ. Меня зовет другая ночь.

Источники

- Бергсон А. (1999) Введение в метафизику // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Мн.: Харвест.
- Джекобс Дж. (2011) Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство.
- Маринетти Ф.Т. (2020) Итальянский футуризм: Манифесты и программы. 1909–1941: В 2 т. М.: Гилея.
- Сеннет Р. (2016) Плоть и камень. Тело и город в западной цивилизации. М.: Strelka Press.
- Фишер М. (2010) Капиталистический реализм. Екатеринбург: Ультракультура 2.0.
- Banham R., Barker P., Hall P., Price S. (1969) Non-Plan: An Experiment in Freedom // New Society. № 338. P. 435–443.
- Davis M. (1990) City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles. Verso Books.
- Kolsofsky C. (2011) Evening's Empire: A History of Night in Early Modern Europe. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kwinter S. (2010) Requiem: For the City at the End of the Millennium. Actar Press.
- Machen A. (1924) The London Adventure or The Art of Wandering. L.: M. Secker.
- Mumford L. (1938) The Culture of Cities. NY: Harcourt, Brace.
- Nicholson G. (1997) Bleeding London. London: Victor Gollancz.
- Williams H. (1991) Autogeddon. London: Jonathan Cape.
- Williams R. (2008) Night Spaces: Darkness, Deterritorialization, and Social Control // Space and Culture. Vol. 11. No. 4. P. 514–532.

8. Храм (the Temple) – небольшая декоративная ротонда на вершине холма в Хитон-Парке, построенная архитектором Джеймсом Уайаттом по заказу сэра Томаса Эгертона около 1800 года, некоторое время использовалась как обсерватория.

9. Долина Смерти – неофициальное прозвище участка трассы М60 (Манчестерской окружной дороги) между 15-м и 16-м съездами, где она спускается в долину реки Эруэлл. Предположительно, прозвище связано с высокой аварийностью участка из-за узкой дороги и тумана, быстро поднимающегося со стороны реки.

THE PATHOLOGY OF THE URBAN NIGHT

Nick Dunn, Professor at the Lancaster Institute for the Contemporary Arts (LICA), Lancaster University; LA1 4YW Lancaster, United Kingdom, tel.: +440 1524 510817
E-mail: nick.dunn@lancaster.ac.uk

Abstract. Nick Dunn explores the city at night as a place and time within which escape from the confines of the daytime is possible. More specifically, it is a state of being. There is a long history of nightwalking, often integral to shady worlds of miscreants, shift workers and transgressors. Yet the night offers much to be enjoyed beyond vice. Night by definition contrasts day, summoning notions of darkness and fear. But another night exists out there. Liberation and exhilaration in the urban landscape is increasingly rare when so much of our attention and actions are controlled. Rather than consider darkness as negative, opposed to illumination and enlightenment, this book explores the rich potential of the dark for our senses. The question may no longer be about what spaces we wish to engage with but when we do?

Keywords: nocturnal city; Manchester; city walking; sensing architecture; safety

Citation: Dunn N. (2021) The Pathology of the Urban Night. *Urban Studies and Practices*, vol. 6, no 4, pp. 56–64. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp64202156-64>

References

- Banham R., Barker P., Hall P., Price S. (1969) Non-Plan: An Experiment in Freedom. *New Society*, no 338, pp. 435–443.
- Bergson A. (1999) Vvedenie v metafiziku [Introduction to Metaphysics]. *Tvorcheskaja jevoljucija. Materija i pamjat'* [Creative Evolution. Matter and Memory]. Minsk: Harvest. (in Russian)
- Davis M. (1990) *City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles*. Verso Books.
- Fisher M. (2010) Kapitalisticheskij realism [Capitalist Realism]. Ekaterinburg: Ul'trakul'tura 2.0. (in Russian)
- Jacobs J. (2011) *Smert' i zhizn' bol'shih amerikanskih gorodov* [The Death and Life of Great American Cities]. M.: Novoe izdatel'stvo [Moscow: New Publishing House]. (in Russian)
- Kolsofsky C. (2011) *Evening's Empire: A History of Night in Early Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kwinter S. (2010) *Requiem: For the City at the End of the Millennium*. Actar Press.
- Machen A. (1924) *The London Adventure or The Art of Wandering*. L.: M. Secker.
- Marinetti F.T. (2020) *Ital'yanskii futurizm: Manifesty i programmy. 1909–1941: V 2 t.* [Italian Futurism. Manifests and Programmes. 1909–1941: In 2 Volumes]. M.: Gileya.
- Mumford L. (1938) *The Culture of Cities*. NY: Harcourt, Brace.
- Nicholson G. (1997) *Bleeding London*. London: Victor Gollancz.
- Sennett R. (2016) *Plot' i kamen'. Telo i gorod v zapadnoj civilizacii* [Flesh and Stone. The Body and the City in Western Civilization]. M.: Strelka Press. (in Russian)
- Williams H. (1991) *Autogeddon*. London: Jonathan Cape.
- Williams R. (2008) Night Spaces: Darkness, Deterritorialization, and Social Control. *Space and Culture*, vol. 11, no 4, pp. 514–532.